

The illustration depicts a woman with long, flowing white hair, dressed in a dark, long-sleeved gown, standing on a small patch of land at the edge of a dark, still lake. She is looking away from the viewer, towards a dense forest of tall, dark evergreen trees. In the background, a bright, full moon is partially obscured by dark, swirling clouds. Two powerful beams of light emanate from the moon, shining down onto the woman and the water. The water's surface is dark, reflecting the moon and the surrounding forest. In the lower foreground, a young man's face is partially submerged in the water, his eyes wide open and looking upwards. His face is surrounded by glowing green, ethereal energy or magic, which appears to be swirling around him. The overall mood is mysterious and magical, with a focus on the interplay of light and shadow.

Елена Северская

*Бывшая и
сосуд бездны*

Елена Северская

Бывшая и сосуд бездны

Серия «Приключения Бывшей», книга 5

<https://litres.ru/73542149>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они украли Печать Власти, но выигранное время обернулось отсчетом до катастрофы. Армия носителей во главе с Магом-Демоном уже движется к Краю Озёр. У защитников считанные дни.

Светлана, потерявшая магию, ведет в бой раненых, уставших, но не сломленных. Ратмир и Терандиль ищут способ адаптировать древний ритуал у духа теперь тысячи искр по всему миру.

Денис главная надежда и главная угроза. Его искра нестабильна, тянется к Печати, а ночью в голову приходит голос, обещающий силу. Чтобы спасти мир, ему придется впустить Бездну в себя и не сломаться. Цена ошибки не только его жизнь.

Изольда жаждет крови. Армия у ворот. Время вышло.

Но самое страшное не снаружи. Самое страшное просыпается внутри.

Для тех, кто ждал финала. И для тех, кто боится его узнать.

Содержание

Глава 1. Горизонт в огне	4
Глава 2. Цена разведки	12
Глава 3. Две линии обороны	21
Глава 4. Искра ночью	30
Глава 5. Первый удар	37
Глава 6. Предатель	45
Глава 7. Решение Ратмира	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Елена Северская

Бывшая и сосуд бездны

Глава 1. Горизонт в огне

Рассвет над краем Озёр выглядел виноватым.

Небо светлело слева направо, медленно, будто нехотя — сначала серое, потом почти розовое, потом снова серое, с жёлтым подбрюшьем у горизонта. Туман лежал на воде плотными слоями, как вата, которую забыли убрать со стола. Дальние берега не просматривались вовсе — только ближние камни, мокрые, тёмные, блестящие.

Светлана сидела у окна с третьего часа ночи.

Чай давно остыл. Она держала чашку двумя руками не потому, что было холодно, а потому что руки без дела начинали дрожать. За окном менялись часовые — она слышала шаги по каменным плитам террасы, негромкий обмен парочками, скрип тяжёлых сапог. Всё было обычно. Всё было неправильно.

Ратмир нашёл её там же, где оставил ночью.

Он остановился в дверях, несколько секунд смотрел на её спину — прямую, неподвижную, — потом прошёл к столу, поставил на него новую чашку. Горячую. Молча взял старую, холодную.

— Ты должна отдохнуть, — сказал он.

— Я должна успеть подготовиться. — Она не обернулась.

— Это разные вещи.

Ратмир не стал спорить. Сел рядом, чуть поодаль — туда, откуда ей не нужно было поворачивать голову, чтобы знать, что он здесь. За окном туман чуть поднялся, открыв полосу воды. Спокойной. Неестественно спокойной для утра, когда где-то за лесами уже должно было что-то происходить.

— Ты слышишь сеть? — спросил он наконец.

— Нет. — Пауза. — В этом и проблема.

Первый сигнальный амулет перестал отвечать в шесть сорок три.

Дозорный пост «Восемь» — дальний, лесной, на северо-восточном подступе к краю. Один из тех, что ставили на случай, если кто-то пойдёт в обход озёр по суше. Болт лично перепрошивал их три дня назад, ещё со свежими перевязями на руках.

Дежурный маг принёс донесение Терандилю в шесть сорок семь. Тот не сказал ничего. Только посмотрел на карту, висящую на стене центрального зала, и провёл пальцем по линии северо-восточного периметра.

В семь ноль две замолчал «Двенадцатый». Тоже северо-восток, но ближе.

В семь одиннадцать — «Девятый». Уже другое направление: северо-запад, выход к каменистой гряде над берегом.

Терандиль смотрел на карту ещё три минуты. Потом ска-

зал дежурному:

— Всех. Сейчас. Большой зал.

Светлана почувствовала раньше, чем за ней пришли. Не через сеть — она не имела прямого доступа к дозорным амулетам. Просто что-то изменилось в воздухе дворца. Шаги стали быстрее. Голоса — короче.

Она поставила чашку на подоконник.

— Началось, — сказала вслух.

Ратмир уже стоял у стены с картой, которую начал разворачивать ещё несколько минут назад — тихо, не мешая ей думать. Привычка исследователя: готовиться до того, как спросили.

— Три поста? — уточнила она.

— По крайней мере три, которые успели зафиксировать. Остальное узнаем там.

Они вышли вместе.

Большой зал дворца края Озёр не предназначался для военных советов. Это чувствовалось по архитектуре — высокие окна, выходящие на воду, потолок с лепниной, длинный стол из светлого дерева, не привыкший к картам и оружию. Но за последние дни его перестроили под нужды: убрали лишние стулья, притащили грубые дощатые подставки, навесили на стену новую карту — детальную, рукописную, с пометками Болта.

Болт стоял у этой карты, когда вошли остальные. Бледный — не от страха, а от потери крови, которую он ещё не пол-

ностью компенсировал. Перевязь под рубашкой угадывалась по тому, как он держал левую руку. Но голос был твёрдый.

— Три дозора на северо-востоке, два на северо-западе, — сказал он, как только Светлана переступила порог. — За последние полчаса. Сигнал не обрывается — это не помехи и не технический сбой. Сигнал гасят.

— Носители? — спросил Кассий.

Он уже стоял в углу, прислонившись к стене. Ожоги на шее затянулись хуже, чем на руках — там кожа была тонкая, и зелёная магия Изольды оставила тёмный след, похожий на застывший след от брызг. Он не накрывал его воротником. Кассий вообще не имел привычки прятать следы.

— Носители или что-то, что маскирует сигнатуру носителей, — поправил Болт. — Под его контролем сеть умеет имитировать что угодно. Он мог послать магов с глушителями, а сзади — армию.

— Или послать армию с глушителями, — сказал Эдвин. Он сидел на краю стола, выглядел отдохнувшим, что раздражало. — Разница только в последовательности.

— Разница в том, сколько у нас времени, — отрезал Болт. Он ткнул пальцем в карту, в точку, где сходились линии подходов. — Если он прёт всей массой — у нас сутки. Если он умный — часов шесть.

Пауза.

— А он, гад, умный.

Светлана подошла к карте, встала рядом с Болтом. Смот-

рела на линии периметра, на отмеченные крестиками замолчавшие посты, на стрелки возможных маршрутов. Болт рисовал карту так, как думал — с избытком информации, без иерархии важного и второстепенного. Нужно было знать, как её читать.

— Зачем три направления сразу? — сказала она не как вопрос, а как вслух произнесённую мысль.

— Чтобы мы не знали, где основной удар, — ответил Терандиль.

Он стоял чуть в стороне от стола, с прямой спиной, с покоем у плеча. Выглядел так, как всегда — ровно, без суеты, без той мелкой нервозности, которая к этому времени уже просочилась в движения почти всех остальных. Тысячи лет — это либо ломает, либо учит не реагировать на страх раньше, чем нужно.

— Три направления — это не атака, — продолжил он. — Это разведка щупом. Он прощупывает, где мы слабее. Сейчас он смотрит.

— Значит, мы тоже смотрим, — сказала Светлана. — Что у нас по резервам?

Болт переключился на другую часть карты — внутренний периметр, обозначенный синим:

— Три оборонительных линии. Первая — рунные барьеры на дальних подступах к дворцу. Работают. Но я их ставил под небольшие отряды, не под армию. Если он пойдёт с носителями в полном резонансе, они пробьют первую линию

за полчаса.

— Вторая?

— Физическое укрепление. Камень, ловушки, несколько зон принудительного сужения — там они не смогут идти широким фронтом. Нам нужны люди на позициях.

— Третья?

Болт помолчал.

— Дворец. Если дойдёт до третьей — значит, первые две уже не работают.

Денис пришёл на совет последним. Вошёл тихо, остановился у двери — не потому, что не знал, куда встать, а потому что сначала слушал. Светлана заметила его периферийным зрением: вырос за последние недели, что ли, или просто стоял иначе. Плечи не сгорблены. Взгляд — не вниз.

— Я слышу сеть, — сказал он, когда в зале на секунду стало тихо.

Все обернулись.

— С ночи, — добавил он. — Она... меняется. Не так, как обычно меняется фон. Как будто кто-то перенастраивает частоту. Медленно. Методично.

— Подготовка к усилению носителей, — мгновенно сказал Ратмир. Он уже разворачивал свои свитки на краю стола — там, где нашлось место. — Перед массовой активацией духу нужно подтянуть общий резонанс. Это занимает время. Если Денис слышит начало настройки сейчас...

— То у нас меньше шести часов, — закончил Болт. —

Отлично.

Следующие двадцать минут были рабочими. Без паники — паника в большом зале дворца края Озёр была бы неуместна так же, как неуместна она в операционной. Голоса звучали коротко, точно: кто на какую позицию, кто с кем, что брать, что оставить. Болт раздавал задачи, Ратмир записывал за ним, Эдвин уже исчез — куда именно, никто не спросил, это было его стиль. Кассий говорил мало, но всё, что говорил, касалось точек, где полувампи́рская скорость давала реальное преимущество.

Маркиз сидел на подоконнике, обернув хвост вокруг лап, и молчал. Это само по себе было плохим знаком.

Светлана отошла к окну, пока остальные занимались картой. Озёра внизу начали просматриваться сквозь туман — вода была тёмная, почти чёрная, с редкими серебристыми полосами там, где утренний ветер тянул по поверхности.

Терандиль подошёл и встал рядом. Не близко. Так, чтобы можно было говорить, не поворачиваясь к залу спиной.

— Ты думаешь о ритуале, — сказал он.

Не вопрос.

— Думаю, — согласилась она. — Болт сказал: месяцы. А у нас часы.

— Да. — Он смотрел на воду. — Но есть одна вещь, которую я не сказал на совете. Ритуал по старой схеме требовал десятков магов и недель подготовки. Новый — требует одного человека с правильной искрой. Это не делает его про-

ще. Но это делает его быстрее.

Светлана медленно повернула голову. Терандиль смотрел прямо перед собой.

— Ты не скажешь ему сам, — произнесла она.

— Нет, — согласился он. — Это должна сказать ты. Когда будет время. И если будет.

Снизу, от каменных ворот, донёсся звук горна. Один сигнал. Потом второй.

Дозорная башня «Три» — западный сектор — прислала подтверждение: движение в лесу за нижней грядой. Много. Организованное.

— Четыре часа, — сказал Болт из глубины зала, не поднимая головы от карты. — Максимум.

Светлана отставила чашку с остывшим чаем на подоконник.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда начнём.

Глава 2. Цена разведки

Эдвин исчез из большого зала раньше, чем совет закончился — просто в какой-то момент его не стало, и никто не заметил, когда именно.

Светлана нашла его в оружейной, на втором уровне. Он стоял перед небольшим зеркалом — из тех, что вешают не для красоты, а чтобы проверить снаряжение. Смотрел на своё лицо. Пока ещё своё.

— Один из младших офицеров? — сказала она, останавливаясь в дверях.

— Капитан Серов. — Эдвин не обернулся. — Третий батальон носителей, северный сектор. Я работал под ним пару месяцев назад, когда сопротивление ещё пыталось встроить людей в структуру Магистрата изнутри. Знаю походку, знаю интонацию, знаю, как он держит руки. — Пауза. — Знаю, что он делает, когда нервничает.

— Он живой?

— Был живой. Тогда. — Голос ровный. — Сейчас — не знаю.

Светлана вошла, закрыла дверь. Встала так, чтобы видеть его отражение в зеркале, а не спину.

— Ты трижды использовал образ Регента за одни сутки, — сказала она.

— Дважды в коридорах и один раз в портальной комнате.

— Он, наконец, обернулся. — Я считаю.

— Я тоже считаю. — Она смотрела ему в глаза — пока ещё его глаза. — Поэтому говорю один раз и без повторений. Если почувствуешь, что маска начинает держаться сама — уходи сразу. Не заканчивай разведку, не собирай последние данные. Уходи.

— Я знаю механику, Светлана.

— Я не о механике. — Она не повысила голос, но что-то в интонации изменилось. — Я о том, что мы не вытащим тебя оттуда. Если ты растворишься в Серове посреди чужой армии — у нас нет ни времени, ни возможности искать тебя. Ты понимаешь это?

Эдвин помолчал секунду.

Потом улыбнулся. Чужой улыбкой — не своей и не Серова, а той усреднённой, которая иногда появлялась у него между масками, когда он не считал нужным тратить усилия на конкретный образ.

— Поэтому вернись до того, как это случится, — сказал он.

Светлана смотрела на него ещё три секунды. Потом кивнула — коротко, один раз — и вышла.

Капитан Серов материализовался из пустоты за восточным периметром в восемь двенадцать утра.

Не из пустоты, конечно — из-за кустарника вдоль старой дренажной канавы, которая шла параллельно лесной дороге. Эдвин потратил на трансформацию семь минут: сначала те-

лосложение (Серов был шире в плечах и на полголовы ниже), потом лицо, потом детали — правая бровь с маленьким шрамом, неровный пигмент кожи под левой скулой, привычка чуть выдвигать нижнюю челюсть, когда идёшь против ветра.

Форму он взял у одного из двух дозорных, которых перехватил ещё ночью. Не убил — просто убрал с дороги, связал аккуратно, положил под елью. Возможно, кто-то их найдёт. Возможно, нет. На войне приходилось делать выбор, которого в мирное время постарался бы избежать.

Он вышел на дорогу и пошёл в сторону армии.

Армия пахла раньше, чем её можно было увидеть.

Не кровью и не железом — хотя и это тоже. Сначала — что-то химическое, почти аптечное, резкое. Потом Эдвин понял: это запах активированных искр в массе. Когда носителей много, когда они синхронизированы и держат постоянный контакт с сетью, это ощущается физически — как давление в ушах и привкус озона.

Он это уже знал. Но такого масштаба раньше не видел.

Лес закончился, дорога пошла через небольшую долину — раньше здесь, судя по остаткам изгороди, были пастбища. Теперь долина была занята.

Эдвин остановился на секунду. Только на секунду — Серов бы не остановился, Серов шёл бы уверенно, Серов знал бы, куда идти — но одна секунда была нужна ему самому, чтобы посчитать.

Он не смог.

Не потому, что не умел считать. Потому что горизонт был занят людьми — в три смены, в несколько слоёв, с флангами, уходящими за видимую границу. Ближайшие — носители в стандартной чёрной форме, выстроенные в колонны. Дальше — менее упорядоченная масса: разные форменные цвета, несколько типов снаряжения. Маги, судя по амулетам на поясах. Гражданские носители, переодетые в военное — новые, необученные, но с горящими зелёными глазами, которые заменяли им всё остальное.

Тысячи.

Он заставил себя пойти дальше.

В штабном секторе его никто не остановил. Серов имел достаточно высокий ранг, чтобы двигаться свободно между батальонными позициями, но недостаточно высокий, чтобы вызвать интерес у старших. Идеальное положение для разведки.

Эдвин шёл и запоминал. Расположение батальонов, направление флангов, где стоят артефакторы, где — маги-усилители, чья задача поддерживать сеть в боевом состоянии. Он считал шаги между позициями, оценивал темп движения обозных колонн, отмечал, где техника и где только люди.

И старался не смотреть на лица.

Не потому, что это было опасно. Потому что лица он узнавал.

Первого — Гридин, алхимик, работал на вольном рынке в южном квартале, снабжал сопротивление ингредиентами

через третьи руки. Теперь стоял в четвёртой колонне, с амулетом Магистрата на шее, с пустым взглядом, в котором зелёного было не больше, чем нужно для постоянного контакта с сетью.

Второго — не помнил имени, только лицо: женщина-маг, преподавала в частной школе на севере, один раз через неё передавали документы. Теперь шла рядом с офицером носителей, что-то говорила ему — деловито, без эмоций, как говорят о логистике.

Третьего знал хорошо. Слишком хорошо.

Ярослав.

Они работали вместе два года. Ярослав был разведчиком — одним из лучших в сопротивлении, специализировался на проникновении. Высокий, рыжеватый, с привычкой щуриться, когда думал. Эдвин учился у него кое-чему из того, что умел сейчас.

Ярослав шёл в офицерской колонне. Зелёные глаза, ровная спина, тот же прищур — но теперь в нём не было мысли. Только сеть.

Эдвин прошёл мимо на расстоянии двух метров.

Ярослав не обернулся.

Проблема возникла в секторе артефакторов.

Он уже собирался уходить — данных было достаточно, больше, чем достаточно, хватило бы на три разведки, — когда сеть «чихнула».

Это случается при массовом переключении режима:

несколько тысяч носителей одновременно получают новый сигнал, резонанс на долю секунды рассинхронизируется, и по полю идёт короткая, острая волна. Для большинства людей незаметно. Для тех, у кого есть собственная искра — неприятно. Для доппельгангера в чужом теле — опасно.

Трансформация — это баланс между своей природой и принятой формой. Чужая волна ударила в этот баланс, как камень в паутину.

Маска Серова дрогнула.

Долю секунды — может быть, меньше. Правое плечо немного сместилось, высота изменилась на сантиметр, бровь над шрамом стала шире. Эдвин вернул всё на место немедленно, автоматически, — но ближайший артефактор успел обернуться.

— Стой.

Голос спокойный. Профессиональный. Именно такой бывает у человека, который не уверен, что видел что-то не то, но проверяет.

Эдвин обернулся с лицом Серова — раздражённым, как раздражался Серов, когда его останавливали без причины.

— В чём дело?

Артефактор смотрел внимательно. Молодой, лет двадцати пяти, с характерной мозолью на указательном пальце от гравировальных инструментов. Из тех, кого Магистрат брал за технические способности, а не за преданность.

— Искру покажи, — сказал он.

Это была стандартная проверка в прифронтовой зоне: амулет на запястье светился в ответ на искру носителя определённого батальона. У Серова — первый батальон, синий сигнал. Амулет у Эдвина был правильный. Проблема была в том, что при активации нужно пустить через него искру.

А у Эдвина не было искры Серова.

Секунда.

Он ударил первым.

Не кулаком — ладонью по плечу, резко, в сторону. Артефактор шагнул влево, споткнулся о ящик с инструментами — тот стоял именно там, где должен был стоять, потому что Эдвин отметил его за пять минут до этого. Пока артефактор падал, Эдвин уже шёл в другую сторону — быстро, но не бегом, потому что бегущий человек в армии без команды к бегу — это сигнал.

Сзади крикнули.

Он свернул за штабную палатку, потом ещё раз, потом нырнул под фургон с маркировкой обоза — и там, в грязи под осью, за четыре минуты, пока наверху кто-то переругивался и топал, сбросил маску Серова.

Полностью. До конца. Просто Эдвин, без чужого.

Это было больше, чем обычно.

Сеть снаружи гудела ровно. Никто не поднял общей тревоги — артефактор, судя по всему, не был уверен достаточно, чтобы кричать на всю армию. Через семь минут Эдвин вылез с другой стороны фургона уже в виде безымянного

обозника и ушёл в лес.

Ожог на левой руке — от краевой волны сети, когда она «чихала» — он заметил только на опушке. Ничего серьёзного: полоса покрасневшей кожи от запястья до локтя, похожая на след от верёвки. Жгло. Он не стал его перевязывать.

В большой зал он вошёл в десять сорок.

Болт стоял у карты. Светлана — у окна. Остальные — кто где. Все обернулись.

Эдвин подошёл к столу, взял со свободного края чистый лист бумаги, положил его перед Болтом. Взял карандаш. Написал цифру.

Болт посмотрел на неё. Потом ещё раз.

— Это не армия, — сказал он наконец.

— Нет, — согласился Эдвин.

— Это население города.

— Примерно.

Болт медленно опустил руки. Карандаш в его пальцах чуть повернулся — механический жест, когда мозг ещё обрабатывает и руки не знают, куда себя деть.

— Среди них есть маги? — спросил Ратмир. Голос профессиональный, без интонации — он уже переключился в режим расчёта.

— Да. — Эдвин сел наконец — первый раз за три часа. — Много. Часть из них — наши. Бывшие.

Тишина.

— Ты кого-то знал лично? — тихо спросила Светлана.

— Гридин. И ещё несколько. И Ярослав.

Пауза стала другой. Не просто тишина — та тишина, в которую каждый вкладывал что-то своё.

— Живые? — спросил Кассий.

— Живые. — Эдвин смотрел на ожог на руке. — Просто не они.

Болт первым вышел из этой тишины. Потому что Болт был практиком, и практика не терпит остановок.

— Значит, у нас меньше четырёх часов и армия в несколько тысяч человек, половина из которых — магически усиленные. — Он положил карандаш на стол. — Кто-нибудь хочет обрадовать меня хорошей новостью? Или это всё на сегодня?

Никто не ответил.

За окном туман с озёр наконец полностью рассеялся. День вышел ясным, холодным, с безупречно синим небом — именно таким, каким бывает последний хороший день перед долгим ненастьем.

Глава 3. Две линии обороны

Библиотека дворца края Озёр пахла так, как пахнут только очень старые книги в очень сыром климате: бумагой, кожаным переплётом, чуть — плесенью по углам, которую периодически выводили, но которая возвращалась с завидным упрямством. Окна выходили на северную сторону — туда, где не было озёр, только каменная стена и кусок серого неба. Зимой здесь не бывало прямого света. Только рассеянный, ровный, одинаковый в десять утра и в три дня.

Ратмир любил это место.

Сейчас он его ненавидел — потому что сидел здесь уже полтора часа, а ответа не было.

Перед ним лежало семь книг и двенадцать свитков. Некоторые свитки были такие старые, что их нельзя было разворачивать без специального раствора по краям — иначе ломались. Ратмир разворачивал аккуратно, с той скоростью, которую требовал материал, хотя скорость сейчас была последним, чем он мог себе позволить.

Терандиль стоял у дальнего стеллажа. Не искал — он уже нашёл, что искал, и теперь держал книгу обеими руками, как держат что-то тяжёлое, хотя физически она была лёгкой. Тонкий переплёт из чёрной кожи, без тиснения на обложке. Записи Совета Первой эпохи — не официальные протоколы, а рабочие заметки, те самые, которые никогда не предназна-

чались для чужих глаз.

Он принёс её к столу, положил рядом со свитками Ратмира. Открыл на странице, которую, судя по закладке из потемневшей ткани, знал наизусть.

Они работали молча — каждый в своём тексте, периодически обмениваясь короткими репликами: «Здесь написано, что резонанс при запечатывании требовал синхронизации не менее сорока искр», «В третьем свитке другая цифра — тридцать шесть, но с усилителями», «Место силы — обязательный элемент или вспомогательный?»

Потом Терандиль сказал:

— Мы ищем не там.

Ратмир поднял голову.

Эльф водил пальцем по странице — медленно, как будто сам текст нужно было физически удержать на месте, иначе ускользнёт.

— Старый ритуал работал с одним духом и одним местом силы, — сказал он. — Совет пришёл сюда, к озёрам, потому что здесь была наибольшая концентрация первородной магии. Они использовали её как основу, на которую нанизали запечатывающий контур. Дух вошёл в Бездну — Бездна закрылась.

— Понимаю пока, — сказал Ратмир. Голос ровный, но карандаш в руке остановился.

— Теперь у нас тысячи искр. Распределённая сеть по всему миру. Место силы никуда не делось — озёра здесь, перво-

родная магия здесь. Но контур уже не замкнуть на одной точке. Сеть выйдет за пределы любого замка. — Он перелистнул страницу. — Если мы попробуем запечатать духа старым методом, сеть пробьёт контур изнутри. Не потому что он сильнее. Потому что он теперь везде.

Ратмир молчал несколько секунд.

— Значит, нужно убрать сеть.

— Нельзя. — Терандиль покачал головой. — Насильственное разрушение сети убьёт носителей. Всех, кто сейчас в резонансе. Это несколько тысяч человек.

— Тогда постепенно ослабить.

— Времени нет.

Пауза. Ратмир отложил карандаш, потёр переносицу. Это был его жест — когда задача требовала переформулировки, а не расчёта.

— Хорошо, — сказал он. — Другой угол. Мы не можем закрыть его снаружи, потому что снаружи он везде. Что если закрыть изнутри?

Терандиль посмотрел на него. Долго.

— Нам нужно не запечатать его снова, — сказал он наконец, медленно, как будто проверяя каждое слово. — Нам нужно сделать так, чтобы ему некуда было возвращаться.

— То есть? — Ратмир выпрямился.

— Бездна — это не место. Это состояние. Отсутствие. — Терандиль закрыл книгу Совета и положил ладонь на обложку. — В первый раз они создали Бездну снаружи, вокруг

духа, и захлопнули врата Печатью. Дух оказался внутри замкнутого пространства без выхода. Это работало, пока замок был целым. Теперь он сломан. — Пауза. — Но что если Бездну создать не снаружи, а внутри? Внутри живого носителя — с достаточно сильной и достаточно особенной искрой, чтобы удержать её стенки. Не замок. Сосуд.

В библиотеке стало очень тихо.

— Живой сосуд, — повторил Ратмир.

— Который не сгорит. Не сломается. И сможет держать Бездну внутри, пока мир не научится жить без страха перед ее содержимым.

Они оба молчали. За окном прошёл порыв ветра — стукнул ставней где-то этажом выше, прокатился по каменному карнизу и ушёл.

Ратмир знал, о ком речь. Терандиль тоже знал, что Ратмир знает. Произносить имя вслух было не нужно и невозможно одновременно.

— Это его убьёт? — спросил Ратмир. Голос профессиональный. Это было усилие — держать его профессиональным.

— Нет. — Терандиль открыл книгу снова, не глядя нашёл страницу. — Но изменит. Необратимо. Носить Бездну внутри — это не смерть. Это... другое существование. Почти вечное. Не жизнь, но и не смерть. В общепринятом смысле. С постоянной внутренней работой. Без права опустить руки.

— Он подросток.

— Он единственный, у кого есть нужная искра. — Терандиль наконец поднял взгляд. В глазах эльфа было что-то, чего Ратмир раньше не видел — не усталость и не холодность. Что-то похожее на старую боль, которую давно приняли, но не забыли. — Я знаю, что это несправедливо, Ратмир. Я прожил достаточно, чтобы знать, что несправедливость не является аргументом против необходимости.

Ратмир долго смотрел на него. Потом взял карандаш и написал в своём свитке три слова: «сосуд — живая Бездна».

— Нам нужно понять механику, — сказал он. — До того, как это кому-то скажем. Все детали. Все риски. Каждый шаг ритуала. — Он поставил точку с такой силой, что карандаш прорвал бумагу. — Потому что если мы придём к нему с половиной ответа, он согласится. Он уже согласился бы сейчас, если бы слышал этот разговор. И это худшее, что может быть — согласие без понимания.

Терандиль кивнул.

Они вернулись к текстам.

Внешний периметр дворца был построен для другого времени.

Каменные стены, рассчитанные на то, чтобы держать холод и сырость, а не армию. Ворота — широкие, парадные, с коваными решётками, которые выглядели внушительно и защищали примерно так же, как внушительно выглядят. Террасы вдоль озера — красивые, открытые, прекрасный обзор и нулевое тактическое преимущество.

Кассий смотрел на это хозяйство уже второй час и чувствовал, что у него опускаются не только руки.

— Здесь нет ни одной нормальной позиции, — сказал он молодому магу, который ходил за ним с планом укреплений. — Это не крепость. Это загородный дом с претензиями.

— Мы укрепляем первую линию по лесному периметру, — осторожно ответил маг. — Болт поставил рунные узлы на подходах.

— Болт поставил то, что успел. — Кассий не грубил — он просто констатировал. — Рунные узлы против трёх десятков носителей. Против нас их тысячи. Нам нужны не узлы, нам нужны зоны принудительного сужения, чтобы они не могли идти широким фронтом. Вот здесь, — он ткнул в план, — каменистая гряда над берегом. Завалить правый проход. Они пойдут в узкое горло — там двое наших стоят как двадцать.

— Завалить чем?

— Камнями. Деревьями. Техникой, если есть. — Он посмотрел на мага. — Есть?

— Один грузовой артефактор на магической тяге.

— Отлично. Берите его и начинайте. Прямо сейчас, не после совета, не после завтрака. Сейчас.

Маг ушёл. Кассий повернулся к следующему участку.

Ожоги тянули.

Не резко — это было бы проще. Тянули постоянно, монотонно, как плохо настроенная струна, которую нельзя перенастроить. Шея и левая сторона груди. Зелёная магия Изоль-

ды горела иначе, чем обычный огонь: она не оставляла мёртвой ткани, она оставляла живую, которая помнила. Лекарь края сказал «две недели покоя» таким тоном, каким говорят вещи, которые точно не случатся.

Кассий обошёл угол стены и чуть не наступил на Маркиза.

Кот сидел на камне у основания стены — именно там, где нет сквозняков и есть небольшое пятно солнца. Поза безупречно расслабленная. Оранжевые глаза смотрели на Кассия с тем выражением, которое у Маркиза означало «я здесь давно и всё видел».

— Ты похож на обугленную головешку, которая пытается изображать генерала, — сообщил кот.

— Иди к чёрту, Маркиз. — Кассий остановился, потому что следующий шаг требовал чуть повернуться, а поворот тянул ожог. — Мне некогда.

— Ты сказал «иди к чёрту» вместо «со мной всё хорошо», — заметил кот. — Это честно. Мне нравится.

— Я не похож на обугленную головешку.

— Немного похож. — Маркиз не двинулся с камня. — Но двигаешься правильно. Слегка щадишь левую сторону, но не настолько, чтобы это было заметно людям. Только мне. У меня лучше угол зрения.

Кассий посмотрел на него несколько секунд. Потом сел на соседний камень — не потому что устал, а потому что стоя разговаривать с котом было неудобно по чисто геометрическим причинам.

— Чего ты хочешь.

— Ничего, — сказал Маркиз. — Слежу.

— За мной?

— Денис попросил. — Кот зевнул — неспешно, с полным разворотом челюсти. — Он сам хотел прийти, но его поставили на мониторинг сети. Так что я. Мы договорились, что если ты рухнешь раньше времени, я скажу.

— Я не рухну.

— Конечно, нет. — Маркиз убрал зевок и снова уставился на Кассия. — Но он волнуется. И это его право, потому что ты лично прыгнул на чистокровную вампиршу ради того, чтобы восемь человек успели уйти через портал. Некоторые люди после таких вещей имеют привычку волноваться о том, кто прыгал.

Кассий молчал.

— Ты бы отдохнул пятнадцать минут, — сказал Маркиз без давления. Просто как факт. — Там, в третьем секторе, Вера справится без тебя. Она умная. У неё твой список.

— Четыре часа.

— Тринадцать минут уже прошло с момента, как ты остановился. Осталось два. — Кот снова зевнул. — Я считаю.

Кассий посмотрел на ожог на шее — привычным жестом человека, который проверяет то, что не может увидеть. Потом посмотрел на Маркиза.

— Денис сказал тебе следить за мной.

— И за Эдвином. И немного за Ратмиром. — Маркиз по-

чесал ухо. — Но Ратмир в библиотеке и никуда не денется. А вы двое — полевые, за вами нужен глаз.

— Ему сколько лет?

— Достаточно, чтобы понимать, кого беречь, — спокойно сказал кот. — И недостаточно, чтобы делать это с правильным лицом. Поэтому он попросил меня, а не пришёл сам — чтобы не было разговора «со мной всё хорошо, не беспокоюсь». — Пауза. — Хитрый мальчик.

Кассий ничего не сказал.

Они сидели ещё немного — полувампир с ожогами и кот с оранжевыми глазами — у каменной стены, которую предстояло защищать, пока солнце медленно двигалось по небу, сокращая и без того короткое время.

— Два часа, которые у нас есть до контакта, — сказал наконец Кассий. — Не четыре?

— Болт пересчитал. — Маркиз смотрел прямо перед собой. — После того, как Эдвин привёз цифры. Два, может два с половиной.

Кассий встал.

— Тогда хватит сидеть, — сказал он и пошёл к третьему сектору.

Маркиз слез с камня и пошёл следом — на три шага сзади, бесшумно, как умеют только коты и очень хорошие разведчики. И если Кассий и заметил это, то ничего не сказал.

Глава 4. Искра ночью

Третью ночь Денис не спал.

Не потому что не пробовал. Пробовал — ложился, закрывал глаза, заставлял дыхание замедлиться до нужного ритма. Но искра внутри не давала. Она гудела — ровно, настойчиво, как трансформатор за стеной соседнего дома: не так громко, чтобы закричать, но достаточно, чтобы не дать забыть о себе ни на минуту.

Он лежал на спине, смотрел в потолок и слушал.

Сеть Валериана приближалась. Денис не видел её — это было неправильное слово. Он чувствовал её. Не кожей и не каким-то отдельным органом — просто всем сразу, как чувствуют изменение давления перед грозой. Что-то огромное и тяжёлое двигалось со стороны леса, и с каждым часом давление становилось сильнее. Его собственная искра отзывалась на это, как стрелка компаса рядом с магнитом — не теряла направления, но дрожала. Постоянно.

Маркиз ушёл час назад. Кот провёл рядом всю первую половину ночи — молча, на углу кровати, как оранжевоглазая бессловесная компания. Потом ушёл по своим делам, и стало тише.

Денис сел.

За окном было темно — не городская темнота, разбавленная огнями, а настоящая, озёрная, где небо и вода сливались

в одно, и только звёзды давали понять, где что. Дежурные огни на террасах горели жёлтым. Внизу, у ворот, кто-то говорил — тихо, одними согласными, слов не разобрать.

Он почти не удивился, когда в дверь тихо постучали.

Светлана вошла без свечи. Постояла у порога, давая глазам привыкнуть, потом прошла к окну и обернулась. Денис сидел на кровати — прямо, с руками на коленях, бледный в темноте.

— Трясёт? — спросила она.

— Немного.

Она подошла и села рядом. Не вплотную — на расстояние ладони, как садятся, когда хотят быть рядом, но не давить. Молчали. Снизу доносился голос часового, потом тишина, потом снова голос — смена поста.

Денис смотрел в окно.

— Сколько их? — спросил он наконец.

— Много.

— Я знаю. Я их чувствую. — Он повернул голову. — Я про своих. Сколько у нас.

— Меньше.

— Намного?

Она не ответила, и это тоже было ответом.

Денис снова посмотрел в окно. На воду, которая не спала тоже — она никогда не спала, озёра, — на отражения звёзд, которые двигались, когда ветер шёл по поверхности.

— Я знаю, что вы с Терандилем обсуждаете, — сказал он.

Светлана не шевельнулась. Но рука, которая лежала на одеяле рядом с ним, чуть напряглась — почти незаметно, но он заметил.

— Сосуд с Бездной, — продолжил он. — Для Мага-Демона. Тюрьма в человеке, а не в пространстве. — Пауза. — Это я, да?

Светлана молчала.

Долго. Слишком долго для человека, у которого есть другой ответ.

— Мам.

Она выдохнула. Тихо, почти без звука.

— Я не хочу терять тебя снова, — сказала она. Голос ровный — она держала его ровным, это было слышно, это требовало усилий. — Я пятнадцать лет прожила с мыслью, что у меня нет сына. — Она остановилась. — А потом ты появился. И оказалось, что пятнадцать лет — это много. Это очень много, Денис. И я успела забыть, как это — когда кто-то есть рядом и это мой человек. — Рука на одеяле дрогнула — едва заметно, как дрожит натянутая нить перед тем, как лопнуть. — А теперь я должна смотреть, как ты идёшь в пасть к этому...

— Не в пасть, — перебил он.

Не резко. Просто твёрдо. Так, как говорят, когда формулировка принципиально важна.

— Я не иду в пасть. — Он повернулся к ней. В темноте её лицо было трудно читать, но он и не пытался — он говорил

не для лица. — Я не Валериан. Я не сгорю и не растворюсь. Я буду держать. Просто... держать. Каждый день. — Он помолчал секунду. — Как держался отец после заражения искрой. Он смог, и я смогу.

Светлана смотрела на него.

Долго смотрела — так, как смотрят на что-то, что изменилось, пока ты не видел, и теперь нужно время, чтобы принять новый вид. Он вырос — не только за последние недели. За последние часы что-то в нём встало на место, как встаёт на место кость после вправления: больно, но правильно.

— Ты слышал весь разговор, — сказала она наконец. Не вопрос.

— Нет. — Он покачал головой. — Я почувствовал через сеть. Не слова — смысл. Когда Терандиль думает о чём-то, что касается ритуала, искра в нём меняет тон. Я научился это слышать за последние дни. — Пауза. — Я не нарочно. Просто сеть сейчас очень... громкая.

Светлана кивнула. Медленно.

— Ты не должен был узнавать так.

— А как? — Он спросил без упрёка. Искренне. — Когда вы собирались сказать? До боя или после?

Она не ответила.

— Мам. — Он произнёс это слово иначе, чем раньше. Не как вопрос и не как упрёк. Как точку. — Я думаю об этом с тех пор, как мы взяли Печать. Может, раньше. Я всегда был не тем, чем должен был быть — по их меркам. Без искры, по-

том с чужой, потом с аномальной. Каждый раз что-то не то. — Он посмотрел на свои руки. В темноте ладони были просто ладонями, ничего особенного. — А это — то. Это именно то, для чего такая искра имеет смысл. Я это чувствую. Не умом, а вот здесь.

Он приложил кулак к груди — не к сердцу, чуть ниже, туда, где гудело.

— Это не делает выбор лёгким, — сказала Светлана.

— Нет. — Он опустил руку. — Но это делает его правильным. Разные вещи.

Она снова посмотрела на него долго. Что-то в её лице менялось — медленно, с сопротивлением, как меняется что-то, что держалось годами. Не ломалось. Просто принимало новую форму.

— Ты знаешь, что это необратимо, — сказала она. Не объясняла — проверяла, понимает ли он.

— Знаю.

— Носить Бездну — это не один подвиг и конец. Это каждый день.

— Я понимаю.

— Ты не можешь полностью понять. Ты ещё не делал этого.

— Мам. — Он смотрел на неё прямо. — Никто не может полностью понять то, что ещё не делал. Но я знаю, что если не я — то некому. И я знаю, что я не сломаюсь. Не потому что я сильный. Потому что я уже был там — в сети, в Печати,

в том, что она делает с человеком. И вышел. Не один, но вышел. Я помню дорогу обратно.

Тишина.

За окном ветер снова прошёл по воде. Отражения звёзд разбежались и медленно собрались.

— Терандиль скажет, что нужен ритуал, — сказала Светлана. — Подготовка. Конкретный момент. Ты не можешь просто решить и пойти.

— Я знаю. — Денис откинулся на стену за спиной — не лёг, просто опёрся. — Я не тороплюсь. Я просто хотел, чтобы ты знала, что я уже решил. Чтобы не было разговора «мы должны тебя спросить», когда время кончится.

Светлана смотрела на него ещё несколько секунд. Потом кивнула — один раз, коротко.

Это не было согласием. Это было — услышала.

Она встала, прошла к двери. Остановилась, не оборачиваясь.

— Попробуй поспать, — сказала она.

— Попробую.

— Искра будет гудеть. Это не повод не спать.

— Я знаю.

Она вышла. Дверь закрылась без звука.

Денис остался сидеть у стены. Искра гудела — ровно, настойчиво, немного сильнее, чем час назад. Армия Валериана была ближе. Сеть давила на его собственную связь, как давит что-то очень тяжёлое и очень медленное.

Он закрыл глаза.

Не чтобы уснуть. Просто чтобы послушать — что там, в глубине гудения, на самой дальней частоте, куда он научился заходить без страха. Там было то, что всегда было: сеть, узлы, тысячи ритмов. И среди них — один, отдельный, который не был ни его, ни Валериановым. Просто очень старый. Тяжёлый. Ждущий.

Маг-Демон знал, что он здесь.

Он тоже знал, что Маг-Демон там.

Они оба ждали.

Глава 5. Первый удар

Рассвет начался не с солнца.

Он начался со взрыва — короткого, глухого, как удар кулаком по столу. Потом второго. Потом тишина, которая была хуже любого звука, потому что в ней угадывалось: что-то уже произошло, пока ты не слышал.

Светлана была на ногах раньше, чем второй взрыв утих. Командный пункт располагался в центральном крыле дворца — большая комната с тремя выходами, картой на всю стену и дежурным магом, который не спал ночь. Маг уже стоял у амулетов связи, когда она вошла.

— Северо-восточный сектор, — доложил он. — Барьер три и барьер пять — пробиты. Пост «Семь» не отвечает.

— Сколько?

— Неизвестно. Сигнал поста «Шесть» мигает — они ещё живые, но под давлением.

— Кассий на позиции?

— Вышел двадцать минут назад. Сам, без запроса.

Светлана подошла к карте. Северо-восточный сектор — именно то место, где Болт ставил усиленные барьеры три дня назад. Самые новые, самые сложные. Они пробили их первыми.

Это не случайность.

— Поднять резерв, — сказала она. — Не весь. Два отряда

на северо-восток, один держать здесь в готовности. Болта ко мне. Ратмира не трогать — пусть работает.

— Есть.

Маг ушёл. Светлана осталась у карты.

Смотрела на отмеченные крестиками барьеры, на линии подходов, на схему укреплений, которую Болт рисовал с расчётом. Барьер три и барьер пять — не рядом. Это два разных участка, расстояние между ними метров триста. Одновременный удар по двум точкам означал или большой отряд, разделившийся на части, или две независимые группы, которые шли параллельно.

Скоординированно. Точно. Без ошибки в тайминге.

Она отступила на шаг от карты.

Они знали, куда бить.

Коридор внешнего укрепления был узким — метра полтора, не больше. Строили давно, без мысли о бое: просто проход между двумя каменными секциями стены, где в мирное время ходил один человек с фонарём.

Сейчас там было четверо.

Кассий и трое носителей.

Первого он снял ещё на входе — быстро, без особого изыска: удар в горло, развернуть, уронить. Полувампи́рская скорость работала именно в такие моменты — не думать, просто двигаться раньше, чем противник успевает воспринять твоё присутствие. Первый не успел.

Второй и третий успели.

Они были усиленными — Кассий видел это по тому, как горели глаза, и чувствовал по давлению, которое исходило от них в сети. Не сильные маги, не особенные бойцы — просто обычные носители с искрой, которую Валериан накачал до предела. Это делало их быстрее, чем они должны были быть. Выносливее. Почти не чувствующими боли.

Почти.

Кассий работал левым плечом, правой стороной, коленями — всем, чем можно работать в пространстве, где нельзя замахнуться. Второй носитель поймал его приём и бросил в стену.левой стороной.

Камень встретил именно ожог.

Белая вспышка за глазами — не метафора, буквально белая, на долю секунды. Он не упал, потому что упасть в этом коридоре было некуда, но колени просели. Этого хватило второму носителю, чтобы занять позицию — спиной к выходу, перекрыв путь.

Третий заходил сбоку.

Кассий выпрямился. Зажал левую сторону предплечьем — не чтобы остановить боль, а чтобы не дать ей повторить фокус с коленями. Оценил расстояние до второго, расстояние до третьего. Расстояние до выхода за спиной у второго.

Плохо.

Второй шагнул вперёд. Кассий шагнул навстречу — не потому что это был умный ход, а потому что ждать было хуже. Они сцепились, и Кассий почувствовал, что теряет: носитель

давил искрой, не только весом, и это давление выжимало его назад сантиметр за сантиметром.

Третий заходил. Ещё три секунды — и у него будет угол. Потом стена за третьим носителем исчезла.

Не взорвалась — просто оказалась в стороне. Вместе с носителем. Потому что в коридор вошло что-то большое — очень большое, неожиданно большое для пространства, которое казалось маленьким ровно до этого момента, — и это что-то сбilo третьего носителя одним движением, которое было одновременно похоже на удар лапой и на небольшое стихийное бедствие.

Второй носитель оглянулся. Этого хватило.

Кассий освободился, применил простой приём с разворотом и уронил его на камни. Без изящества — просто уронил.

В коридоре стало тихо.

Маркиз уменьшался медленно — это, судя по всему, требовало больше усилий, чем увеличение. Сначала он был с лошадь, потом с большую собаку, потом с обычного кота — только шерсть была взъерошена и в глазах стоял азарт, который у котов бывает после удачной охоты.

— Ты мог прийти раньше, — сказал Кассий.

— Я пришёл вовремя. — Маркиз осмотрел коридор с видом профессионала, принимающего работу. — Раньше ты бы обиделся, что я сомневался в тебе.

Кассий зажал левый бок рукой — там, где ожог встретился со стеной. Под пальцами было мокро. Не критично, но

неприятно.

— Я теперь должен коту, — прошипел он.

— Запиши в список, — фыркнул Маркиз, встряхиваясь.

— Я потом выставлю счёт.

— У тебя список или счёт? Определись.

— Список со счётом. — Кот посмотрел на его руку. —

Это глубоко?

— Нет.

— Это не ответ.

— Это достаточный ответ. — Кассий выпрямился, убрал руку, оценил, насколько ровно встаёт. Нормально. Болит, но нормально. — Сколько их было на твоём участке?

— Четверо через восточный пролом. Двоих я взял сразу, двое ушли в сторону внутреннего двора. — Маркиз повернул уши к выходу. — Там сейчас Вера с отрядом.

— Значит, справятся. — Кассий шагнул к выходу, переступив через лежащего носителя — тот дышал, просто без сознания. — Сколько всего пробилося?

— По моим ощущениям? Человек двадцать, разными точками. Они не штурмуют. Заходят, делают дело и уходят.

— Диверсия.

— Или разведка боем.

Кассий остановился в проходе, посмотрел на кота.

— Разведка боем, — повторил он. Не вопрос. Утверждение, которое только что сложилось полностью. — Они искали дыры. И они их нашли — именно там, где Болт ставил

новые барьеры. Не там, где старые и слабые. Там, где новые.

Маркиз смотрел на него оранжевыми глазами.

— Кто-то им сказал, где новые, — тихо сказал кот.

— Да.

Болт пришёл на командный пункт с планом в руках и лицом человека, которому только что показали смету после ремонта, и она не совпала с ожидаемой ни в одной цифре.

— Барьер три держался двенадцать минут, — сказал он, не здороваясь. — Я рассчитывал на тридцать. Это не сила удара — они знали точку входа. Там есть технический стык, я его компенсировал усилителем. Компенсацию они обошли первой.

Светлана не отвечала. Смотрела на карту.

— Болт. — Она обернулась. — Кто знал про технический стык?

Он замолчал.

— Ты, я, Ратмир, Терандиль, Кассий, Эдвин, — перечислила она. — Ещё кто?

— Двое из технического отряда. Они помогали ставить усилитель. Местные, из края.

— Имена.

— Светлана...

— Имена, Болт.

Он назвал. Она записала — коротко, без комментариев.

— Это не значит, что они предатели, — сказал Болт после паузы. — Это мог быть случайный разговор. Кто-то услы-

шал. Кто-то запомнил и не понял, что это важно.

— Возможно. — Она сложила листок. — Но это значит, что у него есть информация, которой не должно быть. По барьеру три — это конкретная техническая деталь. По барьеру пять — там была другая история?

— Там... — Болт остановился, потёр лоб. — Там я ставил дополнительный контур вместе с Эдвином. Три дня назад. Эдвин видел схему.

— Эдвин не предатель, — немедленно сказал дежурный маг из угла. Молодой, с горячими глазами.

— Никто не говорит «предатель», — спокойно ответила Светлана. — Я говорю об информации. Откуда она у него. Каким путём. — Она посмотрела на Болта. — Ты понимаешь, что я ищу?

— Утечку, — сказал он мрачно.

— Или наблюдение. — Она подошла к карте снова. — Если у него есть кто-то, кто может видеть нас достаточно близко — не шпион внутри, а наблюдатель снаружи — он мог просто следить за тем, где мы работаем. Два дня интенсивной работы на конкретных участках — этого достаточно, чтобы понять, где новое укрепление.

— Тогда он видит всё, что мы делаем, — сказал Болт.

— Да. — Она не смягчила этого. — Поэтому с этого момента — никакой открытой работы на периметре в светлое время. Всё ночью. Всё без маркировки. Если меняем схему — меняем молча, без обсуждений на позициях.

Болт смотрел на неё. Потом кивнул.

— Ещё одно, — сказала Светлана. — Первый удар — диверсионный. Маленькими группами, точно. Они нашли то, что искали. Это значит, что второй удар будет другим.

— Массированным?

— Не обязательно. — Она провела пальцем по карте — по линии северного берега, туда, где каменистая гряда выходила к воде. — Он умный. Первый удар — разведка. Он знает теперь, где мы сильнее, а где слабее. Он знает, куда смотреть. Второй удар будет именно туда, куда мы не ждём.

За окном рассвет наконец добрался до горизонта. Бледный, без торжества — просто немного светлее, чем было. Внизу у ворот возвращался один из резервных отрядов: молча, быстро, с двумя ранеными, которых несли.

Светлана смотрела на карту ещё несколько секунд. Потом сказала, не поворачиваясь:

— Найдите мне Эдвина. Не как подозреваемого. Как того, кто умеет думать, как Валериан. Мне нужен его взгляд на следующий ход.

Глава 6. Предатель

Эдвин нашёлся сам — вошёл в командный пункт через боковую дверь в одиннадцать сорок, когда Светлана как раз заканчивала второй обход карты и начинала подозревать, что третий тоже ничего не изменит.

Он выглядел иначе, чем утром. Не хуже — просто иначе. Собраннее, что ли. Как человек, который уже переварил плохую новость и теперь несёт её аккуратно, чтобы не расплескать.

— Беженец из последней партии, — сказал он, ещё не дойдя до стола. — Номер двенадцать по списку. Лейка. Маг воздуха, шестой уровень. Был принят месяц назад, прошёл проверку, получил место в северном бараке.

— Был, — повторила Светлана.

— Исчез. После первого удара. Я проверил барак — вещи на месте, кровать заправлена. Как будто вышел на пять минут. — Эдвин дошёл до стола, положил на него небольшой свёрток — кусок ткани, внутри что-то плоское. — Это я нашёл под его матрасом. Копия. Он успел снять.

Болт развернул ткань. Посмотрел. Долго молчал.

— Схемы нижнего уровня, — сказал он наконец голосом человека, у которого кончились нормальные слова и остались только констатации. — Юго-западная секция. Я их оставил в столовой три дня назад — на час, пока ходил за

инструментами. Думал, там не было никого лишнего.

— Он был, — сказал Эдвин.

Светлана смотрела на схемы. Рукой Болта, со всеми его значками и сокращениями, которые понимал только он сам — и, судя по всему, теперь ещё кто-то. Нижний уровень: технические тоннели, запасные порталы, точки принудительного сужения, которые Кассий ставил именно там на случай прорыва внутрь.

— Это не шпион, — сказал Эдвин.

Все посмотрели на него.

— Я работал под прикрытием восемь месяцев среди носителей. — Он говорил ровно, без нажима. — Я знаю, как выглядит человек, который притворяется. Лейка не притворялся. Когда он просил убежища — это было настоящее. Я видел его первую неделю. Он боялся. Не нас — того, от чего бежал. Это нельзя сыграть на таком уровне.

— Тогда что изменилось? — спросил дежурный маг.

— Рейд на Магистрат. — Эдвин сел на край стола. — Валериан после него усилил давление на сеть. Значительно. Я это почувствовал снаружи — а носители чувствуют изнутри. Те, у кого искра была стабильной — остались стабильными. Те, кто держался на грани...

— Ломаются, — тихо сказал Денис.

Он стоял у дальней стены — Светлана не заметила, когда он вошёл. Стоял прямо, руки опущены, лицо спокойное той спокойностью, которая даётся усилием.

— Искра начинает перекрывать личность, — продолжил он. — Сначала — в стрессе. Потом — во сне. Потом — постоянно. Человек ещё здесь, но его становится меньше с каждым часом. — Пауза. — Я знаю, как это ощущается.

Никто не ответил.

— Значит, у нас могут быть другие, — сказала наконец Светлана. Не вопрос — просто вслух произнесённый вывод, который все уже додумали.

— Те, кто ещё не сломался, — кивнул Эдвин. — Но уже трещит. Среди беженцев есть носители. Мы принимали их, потому что они бежали от Валериана. И большинство — настоящие. Но давление растёт. Сегодня он стабилен. Завтра — нет.

Светлана смотрела на схемы в руках Болта.

— Проверка, — сказала она. — Всех носителей на базе. Сейчас.

Это заняло четыре часа.

Не потому что людей было много — на базе насчитывалось около тридцати носителей разной степени стабильности. Потому что делать это правильно — медленно. Каждый разговор, каждая проверка искры, каждое лицо, которое нужно было читать не как подозреваемого, а как человека, которому, возможно, нужна помощь.

Светлана вела первые пять разговоров сама. Потом передала Денису и Терандию — они чувствовали состояние искры лучше любого инструмента. Эдвин работал отдельно:

наблюдал за теми, кто ждал в коридоре, за теми, кто выходил после разговора.

Кассий организовал пространство — не допросную комнату, не камеру. Просто небольшой зал во втором крыле, с двумя выходами, с едой на столе. Он настоял на еде, и оказался прав: люди, которых сажают перед тарелкой, а не перед голым столом, говорят иначе.

Маркиз ходил по коридору снаружи. Молча. Когда кот молчал — это было хуже, чем когда говорил.

Болт сидел на скамье у стены и ждал своей очереди нести отчёт. Очередь не наступала, потому что отчёт никто не просил — его просто оставили ждать, пока всё не закончится. Это раздражало его так, что Маркиз, проходя мимо в третий раз, остановился.

— Ты скрипишь зубами, — сообщил кот.

— Я жую, — огрызнулся Болт.

— Там нечего жевать. Ты скрипишь. — Маркиз сел напротив, обернул хвост. — Говори.

— Мы теряем время, — сказал гном. Тихо, но с такой силой, что тихость не спасала. — Четыре часа. Четыре часа на обыски и разговоры. У нас ритуал, который ещё не готов. У нас армия, которая уже здесь. У нас — я не знаю, сколько времени до второго удара, но Светлана сказала «скоро». — Он ткнул пальцем в пространство. — А мы сидим и смотрим друг другу в глаза, проверяем, не трещит ли кто.

— И правильно делаем, — сказал Маркиз.

— Это не правильно! Это...

— Болт. — Кот посмотрел на него. — Если хоть один из тридцати носителей внутри базы сломается в момент ритуала — ритуала не будет. Совсем. Ты это понимаешь? Не «пойдёт не так». Не будет.

Болт замолчал.

— Четыре часа сейчас, — продолжил Маркиз, — или всё потом. Это не потеря времени. Это вложение.

Гном смотрел на него долго. Потом отвернулся, достал из кармана небольшой инструмент и начал что-то подкручивать — механически, без цели, просто чтобы руки делали хоть что-то.

— Ненавижу, когда ты прав, — сказал он наконец.

— Я знаю, — ответил Маркиз без малейшего сочувствия.

К третьему часу стало ясно: критических трое.

Не предатели. Не шпионы. Просто трое носителей, у которых искра давала неровный ритм — как сердце, которое пропускает удар. Сегодня они были здесь. Завтра — неизвестно.

Светлана говорила с ними лично.

Первый — молодой парень, лет восемнадцати, бывший студент магической академии. Пришёл на базу две недели назад с ожогами на руках и историей про разгромленный дом. История была настоящей. Искра внутри была настоящей. И трещина в ней тоже была настоящей — он сам её чувствовал, просто не знал, как назвать.

— Иногда ночью, — говорил он, не поднимая взгляда, — я слышу его. Не слова. Просто... тягу. Как будто что-то тянет в сторону, и я не знаю, выдержу ли я до утра.

— Ты выдержал, — сказала Светлана.

— Пока.

— «Пока» — это достаточно. — Она наклонилась чуть вперёд. — Слушай меня. То, что ты чувствуешь — это не ты. Это давление снаружи. Ты отдельно от него, понимаешь? Ты — отдельно.

Он поднял взгляд. В нём было что-то хрупкое — не слабость, а именно хрупкость: когда человек держится, но держится изо всех сил, и это видно.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что мой сын чувствовал то же самое. — Она не смягчила этого, не сделала отвлечённым. — И выдержал. Потому что знал, что он — отдельно.

Парень молчал. Потом кивнул — медленно, как кивают не в знак согласия, а в знак того, что слова дошли.

Троих критических перевели в отдельный блок — не изоляция, не камера. Просто место, где рядом постоянно кто-то из тех, кому они доверяли. Денис вызвался первым. Светлана не стала возражать.

В половине четвёртого Эдвин вошёл в командный пункт, где Светлана наконец сидела с чашкой горячего чая, который на этот раз был горячим, и доложил:

— Двадцать семь из тридцати — стабильные. Трое — под

наблюдением. Лейка — ушёл. Больше ничего не нашли.

— Пока, — сказала Светлана.

— Пока, — согласился он. Сел напротив. — Ты думаешь, будут ещё.

— Давление на сеть растёт. — Она смотрела на чай. — Он не останавливается. Каждый день он жмёт сильнее. Каждый день кто-то на грани уходит за неё. — Она подняла взгляд. — Это тоже его стратегия. Не только армия снаружи. Внутри нас — тоже.

Эдвин молчал секунду.

— Значит, нам нужно успеть раньше, чем он сломает следующего.

— Да. — Светлана поставила чашку. — Поэтому мне нужен Терандиль. И Ратмир. Сегодня вечером. Скажи им: хватит искать идеальную механику. Мне нужна достаточно хорошая — и быстро.

За окном день перевалил за середину. Солнце ушло за облака, и двор дворца лежал в ровном сером свете — том самом, в котором одинаково выглядят десять утра и три дня.

Светлана смотрела на него и думала, что Терандиль, скорее всего, уже знает. И что «достаточно хорошая механика» у него, вероятно, готова. Просто он ждал, пока она сама придёт к этому вопросу.

Тысяча лет — это много. Достаточно, чтобы знать: некоторые решения человек должен принять сам, иначе они не держатся.

Глава 7. Решение Ратмира

Терандиль пришёл на вечерний совет с книгой Совета под мышкой — чёрная обложка без тиснения, потёртые углы, закладка из потемневшей ткани торчит на треть от конца. Положил на стол так, как кладут вещи, которые принесли не для того, чтобы открывать, а чтобы они просто были рядом. Потом сказал ровно то, что Светлана ожидала: механика готова, риски просчитаны, нужна неделя на подготовку компонентов.

Неделя.

Слово упало в тишину большого зала и осталось там лежать. Светлана не убирала его и не отвечала на него — просто смотрела на Терандиля. Долго. Он выдержал секунды три, потом что-то в его лице чуть сдвинулось — едва заметно, так сдвигается что-то у человека, который сам себя поймал на допущении.

Тысяча лет учит читать лица не хуже, чем тексты.

— Я работаю над сокращением, — сказал он, прежде чем она открыла рот. — Есть варианты.

Совет закончился поздно. Магические лампы над столом начали давать чуть более жёлтый свет — верный знак, что резервный кристалл садился и его забыли сменить. Кассий ушёл проверять ночные позиции, не прощаясь, только бросил взгляд на карту и хмыкнул — что-то не понравилось в

расположении северного дозора. Эдвин исчез раньше, чем закончили говорить: в какой-то момент Светлана краем глаза поймала его у двери, а потом его просто не стало, и никто не заметил, когда именно.

Денис остался помочь Терандилю с картой ритуала. Они сидели в дальнем углу зала, склонившись над свитком — эльф что-то объяснял тихо, водя пальцем по линиям контура, Денис слушал, не перебивая, иногда задавал короткий вопрос. Так разговаривают люди, у которых много общего и мало времени: без лишних слов, без объяснений того, что и так понятно обоим.

Ратмир задержался.

Он остался у стола — убирал свои свитки, складывал аккуратно, завязывал тесёмки с той методичной неторопливостью, которая у него никогда не была медлительностью. Просто привычка: каждая вещь на место, каждая бумага в порядке. Светлана это видела. Она тоже не уходила — стояла у карты, смотрела на северный сектор, хотя уже ничего нового там не появится до утра. На карте были новые крестики — три, проставленные за последние два часа. Болт рисовал их аккуратно, маленькими, как будто аккуратность могла что-то изменить.

Они оба делали вид, что заняты, пока зал не опустел.

Тогда он подошёл.

— Есть способ ускорить, — сказал он без предисловия.

Светлана обернулась. Ратмир стоял в двух шагах — пря-

мо, без той рабочей сутулости, которая появлялась у него над свитками, когда он забывал про осанку. Лицо серьёзное, но не мрачное — скорее лицо человека, который принял решение и теперь излагает его последствия. Спокойно. Без спешки.

— Говори.

— Нам нужна точная схема старого ритуала. — Он сделал шаг к карте, встал рядом, не глядя на неё — смотрел на Светлану. — Не реконструкция по текстам. Тексты неполные, там есть лакуны, которые Терандиль заполняет допущениями. Допущения требуют проверки. Проверка требует времени. — Голос ровный, почти лекционный — так он говорил, когда объяснял задачу, которую уже решил. — Но схема существует. Она вшита в Печать Власти — в саму её структуру. Это артефакт, который участвовал в запечатывании тысячу лет назад. Он помнит. Не текстом, не словами — магической памятью. Её можно прочесть напрямую.

— Денис уже работал с Печатью, — сказала Светлана.

— Глушил её резонанс. Держал снаружи. — Ратмир покачал головой — коротко, без раздражения. — Это другое. Чтобы прочесть структуру запечатывания, ему нужно войти в Печать. Достаточно глубоко, чтобы увидеть, как это было сделано. Не коснуться — войти.

Светлана молчала. За её спиной на карте светлела линия северного периметра — синяя, прерывистая там, где крестики.

— Это даст нам точную схему, — продолжил Ратмир. — Адаптировать её под сосуд мы сможем за часы, не за дни. Терандиль подтвердит — он уже думал об этом, просто не предлагал.

— Потому что знал, что скажу я, — тихо сказала Светлана.

— Да. — Он не стал смягчать. — Потому что если Денис войдёт слишком глубоко — Маг-Демон поймает его через сеть. Или искра воспримет контакт с Печатью как сигнал к активации и сожжёт изнутри. Это не теоретический риск. Это реальный.

— Тогда зачем ты это предлагаешь.

— Потому что я пойду с ним.

Светлана смотрела на него. Он не торопил её с ответом — просто ждал, пока она услышит то, что сказал.

— Алхимически, — продолжил он. — Есть техника поддержки границы. Старая, сложная, редко используемая — потому что требует от поддерживающего полного контакта с состоянием того, кого держишь. Не просто слышать — чувствовать каждое движение внутри Печати, каждый сдвиг. Если он начнёт проваливаться — я дёрну обратно. Резко. Немедленно. Прежде чем сеть успеет среагировать.

— А если не успеешь? — Голос у неё был ровный. Это давалось усилием — он слышал это, потому что за несколько месяцев научился слышать разницу между её спокойствием и тем, что было под ним.

— Тогда я удержу его ценой разрыва собственной связи, — сказал он просто. — Алхимическая связь при принудительном разрыве бьёт по тому, кто держит. Не по тому, кого держат. Денис выйдет. Что случится со мной — зависит от глубины провала.

Тишина.

За окном командного пункта шумел ночной ветер — несильный, ровный, с озёрной влагой в воздухе. Патруль на внешней стене шёл молча; только шаги по камню — мерные, равномерные — говорили, что там кто-то есть. Где-то этажом выше скрипнула ставня.

Светлана медленно повернулась от карты.

— Ты ведь не просто так это предлагаешь.

Это не был вопрос. Он ответил не сразу — не потому что не знал ответа, а потому что некоторые вещи нужно произносить медленно, чтобы они оставались точными.

— Не просто, — согласился он.

Шаг вперёд. Не быстрый — просто ближе, на расстояние, с которого больше не нужно говорить громко.

— Я люблю тебя, — сказал он. Без предисловий. Без обёртки, которую иногда надевают на трудные слова, чтобы они казались меньше, чем есть. — Это не новость. Ты знаешь. Я знаю, что ты знаешь, и мы оба делаем вид, что есть более срочные вещи, о которых нужно думать.

Светлана не ответила. Но и не отступила — осталась стоять там, где стояла, и смотрела на него. На его лицо — уста-

лое, серьёзное, без попытки изобразить что-то другое.

— Если Денис не выйдет оттуда, — продолжил Ратмир, — тебя спасти будет некому. Не потому что некому физически. Потому что ты без него не выживешь. Не умрёшь — выживешь. А это иногда хуже. — Пауза. — Я это понимаю.

— Ратмир, — сказала она.

— Я ещё не закончил.

Она замолчала. Дала ему закончить.

— Поэтому я иду с ним. Не потому что хочу быть героем. Не потому что не боюсь. — Он смотрел ей в глаза — спокойно, без того напряжения, с которым обычно говорят страшные вещи. — Потому что это единственное, что я могу сделать для тебя такого, чего не может никто другой. Удержать его. И вернуть тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.